

P.S. Прилагаю к тебе письмо к Моно⁶, которое ты *обязана* ему передать и имеешь полное право прочесть.

¹ Ответ на письмо Н.А. Герцен от 25 апреля 1875 г., публикуемое в кн. 2-й наст. тома.

² Письмо Тучковой-Огаревой от 12 апреля, в котором она объявила Огареву о своем разрыве вследствие того, что в конфликте между нею и Мери Сетерленд он принял сторону последней (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 514).

³ Намек на Тучкову-Огареву. См. выше в наст. кн. письмо Огарева к А.А. Герцену от 1 февраля 1874 г. и прим. 2 к нему.

⁴ Это письмо А.А. Тучкова неизвестно.

⁵ См. выше письмо Огарева к А.А. Герцену от 4 августа 1874 г.

⁶ Не исключено, что текст второй половины этого чернового письма (после проставленной нами линейки) относится не к 1 мая 1875 г., а к февралю 1874 г. — *Ред.*

МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУГ

Публикация Е.Л. Рудницкой^{122*}

Воспитательница младшей дочери Герцена Ольги, друг его семьи, переводчица и мемуаристка, Мальвида *Мейзенбург* (1816–1903) испытывала глубокую и неизменную симпатию к Огареву. Понимание истинного значения его общественно-политической деятельности было ей не совсем доступно — в нем она видела главным образом "одну из жертв злополучной николаевской эпохи, когда страдали все лучшие и даровитейшие люди России" (*Мейзенбург*, 343). В своих мемуарах она приводит часто варьировавшееся Герценом высказывание об Огареве: "Разве кто-нибудь знает, чем мы обязаны речам и влиянию этого человека?" Отношения Мейзенбург и Огарева подтверждают верность этой исторической оценки.

Мейзенбург полагала, что подлинная сущность Огарева проявляется в его поэзии. Воспроизводимые в нашей публикации тринадцать писем поэта прямо свидетельствуют о душевном контакте между ними. Их сближала любовь к Ольге Герцен-Моно и то присущее Огареву философско-поэтическое мироощущение, которое было близко его корреспондентке. Неудивительно, что два из этих писем написаны в стихотворной форме: первое — поздравление по случаю дня рождения Мейзенбург; второе навеяно размышлениями о развалинах древнего храма (это изображение ему прислано было корреспонденткой). Ирония и грусть этих стихов напомнили Герцену, сделавшему к этому второму письму приписку, то впечатление, которое некогда произвело на него искусство знаменитого французского комического актера П. Левассора. Приписка Герцена представляет собой блестящий образец его эпистолярного стиля. Выразительный духовный портрет Мейзенбург создан им парадоксальным сопоставлением ее с Мацини: одним штрихом обрисовывается при этом склад личности вождя Рисорджименто с его мистическим преклонением перед итальянским народом.

В письмах от 5 декабря 1864 г. и 26 января 1865 г., связанных с трагической смертью в Париже детей Герцена, близнецов Елены и Алексея, отчетливо запечатлен внутренний облик самого Огарева. Стойкость, душевная сдержанность, отвращение к фразе, уважение к чувствам другого — неизменные свойства его гуманного характера. В январском письме, написанном после возвращения из Парижа, когда недавняя потеря особенно обострила его любовь к старшим детям Герцена, исключительно ярко выразилось его чувство к ним, вера в их нравственные и интеллектуальные возможности.

Весной 1868 г., завершив работу над первой частью "Воспоминаний идеалистки", Мейзенбург отправила рукопись Огареву в Женеву. Несмотря на перелом ноги, надолго приковавший его к постели, он с готовностью откликнулся на просьбу ознакомиться с рукописью и взял на себя осуществление издания, которое и вышло на французском языке в 1869 г. в женевской Вольной русской типографии.

Публикуемые письма охватывают период с начала 1860-х годов до самой смерти Огарева и являются еще одним полноценным свидетельством широты и многообразия его человеческих связей, душевной щедрости и нравственной чистоты. Они заметно обогащают наши представления о его личности, жизни и творчестве.

Письма печатаются по ксерокопиям *ГЛМ* с автографов, переданных внуком Герцена Л. Ристом в музей Герцена (Москва). Письмо 12 впервые опубликовано во французском переводе в 1932 г. (*Vinant*, 241). С этого текста его перевел и напечатал Л.Р. Ланский в "Лит. наслед-

^{122*} Письма 12 и 13 перевел с французского Л.Р. Ланский.

стве", т. 63, с. 530. Все письма опубликованы М. Мерво на языке оригинала и во французском переводе в *HOVL*, 103–141. Ряд писем и фрагментов воспроизведен И.А. Желваковой и Е.Л. Рудницкой в сб. "Освободительное движение в России", вып. 7. Саратов, 1978, с. 84–91.

На п. 2, 5, 6 приписки Герцена.

1

Den 30 Oktober (1862). Richmond¹

AN FRÄULEIN MEYSENBUG

Ihr Festtag²... und ich wußt' es nicht!
So ist es mein fatales Fatum –
Nie weiß ich weder Tag noch Datum,
Und komm' zu spät mit dem Gedicht.

Was möcht' ich sagen?.. Grau und Stille,
Der Nebel liegt auf Berg' und Tal';
Der fernen Lichtchen blaßer Strahl
Durchschimmert kaum die schwüle Hülle.
Die ferten Lichtchen kenn' ich recht!
Dort stehen Häuser, Menschen leben,
Und was sie tun – das kann ich eben,
Als Mitmensch, sagen wahr und echt:

Sie wünschen, hoffen, tun die Dauer
Durch Lieb und Haß einander sauer,
Sie treiben Pflicht mit Mäusehast,
Und sinnen ohne klar zu denken,
Und streben ohne was zu lenken,
Und prüfen, ohne End' und Rast,
Und so geht's fort vom Tag zu Tage
In der verwirrten Lust der Plage.

Ich schau': die Welt im Nebel steckt,
Das Einerlei des feuchten Schwebens
Bewegt sich langsam und bedeckt
Das Einerlei das Menschenlebens, –
Ich fühle mich ganz wohlgestellt,
Wenn ich so finde in der Welt –
Der schönen Welt voll schöner Regung –
Das Nichts in ewiger Bewegung.

Jédoch – was wollt' ich sagen und...
Sie waren am Geburtstags Feste,
Wenn ich es hoffen darf, gesund?
Gewiß? [Nicht wahr] Und das ist ja das Beste.

Verzeihen Sie diesen Unsinn, ich weiß nicht, warum ich von deutschem Reim verfolgt war, wollte was Freudiges schreiben, aber es gelang nicht. Dennoch schicke ich es Ihnen, als ein Beweis meiner Sympathie zur deutschen Sprache, und endlich um Ihnen in Prosa zu sagen, daß ich Ihnen eine heitere Stimmung und ein heiteres Jahr zu Ihrem Geburtstag gewünscht habe.

Ihr ergebenster N. O g a r e f^{123*}

^{123*} Далее следует приписка, обращенная к Ольге Герцен, – см. ее вслед за русским переводом этого письма. – *Ред.*

Перевод:

30 октября (1862 г.). Ричмонд¹

К ФРЕЙЛЕЙН МЕЙЗЕНБУГ

Ваш праздник²... а я этого не знал!
 Таков мой фатальный фатум –
 Не знаю никогда ни дня, ни числа
 И запаздываю с стихотворением.

Что я хотел бы сказать?.. Мрак и тишина,
 Туман лежит в горах и долинах;
 Далекий луч бледного огонька
 Едва пробивается через удушливый покров.
 Я хорошо знаю эти далекие огоньки!
 Там стоят дома, живут люди,
 А что они делают – это я, как ближний, могу
 Сказать правдиво и точно:

Они хотят, надеются, отравляют друг другу существование
 Любовью и ненавистью,
 Они выполняют свой долг с мышиною торопливостью
 И размышляют без ясности мысли,
 И куда-то стремятся без ясной цели,
 Изучают всё без конца и отдыха,
 И так продолжается изо дня в день
 В безумном наслаждении страданий.

Смотрю я: мир лежит в тумане,
 Однообразие сырых испарений
 Двигается медленно и покрывает
 Однообразие человеческой жизни, –
 Я чувствую себя вполне благополучным,
 Находясь в таком мире –
 Прекрасном мире, полном прекрасных порывов, –
 Ничто в постоянном движении.

Однако – что я хотел сказать и...
 Вы были во время праздника
 Вашего дня рождения,
 Как я надеюсь, здоровы?
 Так ли? И это – самое лучшее.

Простите меня за эту бессмыслицу, я не знаю, почему меня преследуют немецкие рифмы; я хотел написать что-нибудь радостное, но это мне не удалось. Тем не менее я посылаю вам это, как доказательство своей симпатии к немецкому языку и, наконец, чтобы сказать вам в прозе, что я желаю вам к вашему дню рождения веселого настроения и веселого года.

Преданный вам Н. Огарев

Fräulein Olga^{124*}

Милая Оля, что ж ты ко мне не напишешь? Здорова ли ты, здорова ли Туту?³ Что ты играешь на фортепьяно? Что ты делаешь с Лизой? Напиши мне все подробно. Жду от тебя письма и целую тебя на обе щеки и в лоб. Видел мисс Майльс, которая об тебе и обо всех спрашивала.

Твой Ага

¹ Год уточняется по следующему указанию в письме Огарева к В.Ф. Лугинину от 30 октября 1862 г.: "Я ушел из Лондона в Ричмонд на одиночество работать и пишу разбор основных положений преобразований судебной части" (*Огарев II*, 470).

² Мейзенбург родилась 28 октября 1816 г.

³ Туту – кличка собаки (по-французски *le toutou* – собачка).

124* Фрейлейн Ольге (нем.).

(Teddington.) Den 6 August (1863)

Liebe Malvida Pinciana¹,

1

Erstens, danke für den Tempel,
Den ich aufgehängt im Zimmer,
Als ein prächtiges Exempel
Der Vernichtung und der Trümmer².

Ja, ich liebe diese Trümmer
Einer Welt, die einst gestanden:
Unsre Gegenwart ist dümmmer
Und die Zukunft nicht vorhanden.

Das Gespenst der [alten] toten Zeiten
Schwankt – ein Dunstbild – stumm und leise
Und verschimmert in dem weiten
Abenddämmerung-Schattenkreise.

Doch die Welt, die nicht geboren,
Das Gespenst des Unbekannten –
Steigt ein Nebelbild verloren
In der Nacht, der leerumspannten.

Und da sitz ich zwischen beiden
Auf der dünnen trocknen Erde,
Und ich fühl's mit bittrem^{125*} Leiden
Wie ich drollig mich gebehrde.

Diese schmerzenvolle Lage
Wäre einfach vorzutragen,
Nur daß ich's, bei Gott, nicht wage
In französischen zu sagen.

Nun! die Welle wird zerschellen,
Und die Klage wird verhallen,
Und ich werde mich gesellen
Zum Gespenst verfallner^{126*} Hallen.

Und ein anderer Narr wird kommen,
Wird da sitzen auf der Erde,
Herzgebrochen, geistbeklommen,
Mit der drolligsten Gebehrde –

Haschend nach den beiden Seiten
Die Gespenster aufzufinden,
Die im Dunst und Nebel schreiten,
Und entfliehen und verschwinden.

Zwischen Sonnenuntergehen
Und dem nicht gekommenen Morgen,
Ohne jemals klar zu sehen,
Wird er sitzen voller Sorgen,

^{125*} В авторской копии, принадлежавшей М. Ристу: tiefem.

^{126*} В той же копии: der öden.

Seufzen um die alten Tage,
Warten ob es doch wird helle, –
Bis verstummt ist seine Klage
Und zerschellt ist seine Welle...

Und so weiter... Zum voraus
Dank ich aber untertänig
Ruft er mein Gespenst heraus...
Doch das hilft und beiden wenig.

2

Zweitens, müßen Sie erfahren,
Daß die Kinder lachen, weinen;
Lisa wird schon bald [sechs] fünf Jahren,
Sieben viertel bald die Kleinen³.

Durch das Kartenspiel des *Sir John*⁴
Ist auf Krieg nicht mehr zu warten;
Unser *landlord* ist ein *surgeon*
Und nach Talg stinkt unser Garten.

Doch die Gegend alles zieret!
Blumen, Heuduft, grüne Säume,
Und man trifft, wenn man spazieret
Dumme Menschen, hohe Bäume.

Ach! in Hamptonwick da wohnte
Eine alte deutsche Mutter,
Handel trieb sie, wie sie's konnte –
Gingerbier, confect und Butter.

Nun! das Haus fiel jüngst zu Trümmer,
Fort ist auch die alte Frau,
Und man lechzt und findet nimmer^{127*}
Ginger – weder kalt noch lau.

Und nun ist des Weibes Lage
Zwischen alt' und neuer Schwelle –
Bis verstummt ist ihre Klage
Und zerschellt ist ihre Welle.

Doch ich komme gleich zu Ende,
Enden muß ich was ich treibe;
Folglich, drück' ich Ihre Hände,
Beide Hände und verbleibe

Ihr Freund N. O g a r e f f

Рукой Герцена:

Chère amie, voilà un poème entier pour une lettre. Nous en avons ri et "au fond" comme disait Levassor^{128*} – c'est triste. J'ai reçu votre lettre⁵ – (la dernière de Vico). Toujours et toujours je vois l'immutabilité des individus. Vous êtes derechef comme photographiée psychiquement dans votre lettre et remarquez – non seulement vous mais le génie germanique – je le dis maintenant très sérieusement – grand entendement, pas de persistance pratique, révolte – contre l'injuste, – mais pas de lutte – retraite dédaigneuse (!) – mais pas de triom-

^{127*} В копии М. Руста: Und bekommen wird man nimmer. – Ped.

^{128*} В автографе: Levasseur. – Ped.

МАЛЬВИДА МЕИЗЕНБУГ

Фотография, 1850-е годы

Из книги: Alexandre Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970

phe. Prenez d'un côté votre côté gauche (avec le coeur) et de l'autre une moitié de Mazzini – et vous aurez un *half and half* admirable. Laissez comme cela est – vous déserterez l'humanité et Mazzini – la logique. *Weiter* – très chère Amie – non – vous n'avez pas bien compris ce qui se passe – je tâcherais de vous expliquer dans la suivante lettre – avec l'accompagnement – de 1000 fr. – Les affaires de l'Amérique s'améliorent⁶.

Adieu.

6 août 1863

Перевод:

(Геддингтон.) 6 августа (1863 г.)

Дорогая Мальвида Пинчана¹,

1

Во-первых, благодарю за храм,
Который я повесил в комнате,
Как великолепный пример
Уничтожения и развалин².

Да, я люблю эти развалины
Мира, который некогда существовал:
Наше настоящее глупее,
А будущего нет вообще.

Призрак [древних] мертвых времен
Колется – видение – безмолвное и тихое
И меркнет в далеком
Круге теней вечерних сумерек.

Но мир, который не родился,
Призрак Неизвестного –
Возникает туманное изображение, которое теряется
В ночи, окруженной пустотой.

И я здесь сижу между обеими
На бесплодной сухой земле,
И чувствую с горькой^{1 29*} печалью,
Как смешно я себя веду.

Это положение, полное скорби,
Изложить было бы просто,
Но я, ей-богу, не отваживаюсь
Сказать это по-французски.

Итак, волна разобьется,
И жалоба замрет,
А я присоединюсь
К призраку разрушенных сводов.

И другой дурак придет,
Будет сидеть здесь на земле,
С разбитым сердцем, со стесненной душой,
Смешно кривляясь, –

Бросаясь то туда, то сюда,
Чтобы найти призраки,
Которые движутся в дыму и тумане
И ускользают, и исчезают.

Между заходом солнца
И не наступившим утром,
Без возможности когда-либо ясно видеть,
Он будет сидеть, преисполненный забот.

Будет вздыхать о прежних днях,
Ожидать, не станет ли посветлее, –
Пока не умолкнет его жалоба
И не разобьется его волна...

И так далее. Заранее
Я покорнейше благодарю,
Если он вызовет мой призрак...
Но это мало поможет нам обоим.

2

Во-вторых, вы должны узнать,
Что дети смеются, плачут;
Лизе скоро будет пять лет,
Семь четвертых скоро малышам³.

Карты сэра Джона⁴ показывают,
Что войны можно больше не ожидать,
Наш лендлорд – хирург,
И наш сад воняет салом.

Но всё украшает эту местность!
Цветы, запах сена, зеленые опушки леса,
И, гуляя, встречаешь
Глупых людей, высокие деревья.

^{129*} В авторской (?) копии, принадлежавшей М. Ристу: глубокой. – Ред.

Ах! В Хэмптонике жила
Старая немецкая матушка,
Вела, как умела, она свою торговлю
Пивом, конфетами и маслом.

И вот! Дом этот недавно превратился в развалины,
Нет и старой женщины.
И, томясь жаждой, нигде не находишь^{130*}
Пива – ни холодного, ни теплого.

И таково теперь положение женщины
Между старым и новым порогом –
Пока не умолкнет ее жалоба
И не разобьется ее волна.

Но я должен сейчас закончить,
Закончить должен я свое дело;
Поэтому я жму ваши руки,
Обе руки, и остаюсь

вашим другом Н. О г а р е в ы м

Рукой Герцена:

Дорогой друг, вот целая поэма вместо письма. Мы посмеялись над ней, но “в сущности”, как говаривал Левассор^{131*}, – это грустно. Я получил ваше письмо⁵ – (последнее из Вико). Постоянно и непрестанно вижу я незыблемость личностей. Вы отныне как бы психически сфотографированы в своем письме и, заметьте, – не только вы, но и германский дух – я говорю это теперь весьма серьезно... большая способность понимания, отсутствие практической настойчивости, возмущение – против несправедливости – но не борьба – презрительный отход, – но не торжество. Возьмите, с одной стороны, ваш левый бок (с сердцем), а с другой – половинку Маццини, – и вы получите великолепную half and half^{132*}. Оставьте все, как есть, – вы измените человеческой природе, а Маццини – логике. Weiter^{133*} – дражайший Друг, нет, вы не совсем хорошо поняли, что происходит, – и я постараюсь объяснить вам в следующем письме – с сопровождением 1000 фр. – Дела Америки улучшаются⁶.

Прощайте.

6 августа 1863 г.

¹ Мейзенбург жила в это время с Н.А. и О.А. Герцен в Риме на Via Porta Pinciana.

² Изображение развалин храма Весты в Риме, которое Мейзенбург незадолго до того прислала Огареву (см. XXVII, 343).

³ Малолетним близнецам Герцена и Тучковой-Огаревой Алеше и Леле 23 ноября должно было исполниться по два года. Шутливый подсчет Огарева, вероятно, означал, что через три месяца (1/4 года) дети достигнут двухлетнего возраста (т.е. $4/4 = 1$ году, $3/4 + 1/4$ – еще году).

⁴ В связи с отклонением Россией предъявленного ей 27 июня ультиматума Франции, Англии и Австрии, вступивших за восставшую Польшу, многие находились в ожидании общеевропейской войны. Герцен и Огарев не разделяли этих опасений (см. XXVII, 358). И действительно, западные державы ограничились дипломатическими демаршами. Сэр Джон – Г. Дж. Пальмерстон – английский премьер-министр.

⁵ Это письмо Мейзенбург к Герцену неизвестно.

⁶ Речь идет об акциях США, в которые вложена была значительная часть состояния Герцена.

(London.) Den 5 December (1864)

Liebe Malvida, hierbei bekomme einen Brief von Schurz, den ich, freilich, nicht gelesen habe¹. Ich reise heute nach Paris: Lela-girl hat man die Tracheotomie gemacht. Sie war noch

^{130*} В копии М. Риста: И нигде не получишь. – *Ред.*

^{131*} В автографе: Левассёр (Levasseur). – *Ред.*

^{132*} смесь в равных долях (англ.).

^{133*} Далее (нем.).

am Leben vorgestern. Ich umarme und küsse Euch alle, habe keine Zeit zu schreiben. Schreiben Sie mir Paris, 15, rue du Colisée, Champs Elysées. Addio! Wahrscheinlich reise ich zu einem Begräbniss².

Перевод:

(Лондон.) 5 декабря (1864 г.)

Дорогая Мальвида, сейчас получено письмо от Шурца, которое я, откровенно говоря, не прочитал¹. Сегодня я уезжаю в Париж: Леле-гёрл сделали трахеотомию. Позавчера она была еще жива. Я обнимаю и целую вас всех, у меня нет времени писать. Пишите мне – Париж, улица Colisée, Champs Elysées, 15. Addio. Возможно, я еду на похороны².

¹ Это письмо Шурца неизвестно. Огарев приехал в Париж 6 декабря.

² О смерти близнецов Лели-боя и Лели-герл см. ниже.

4

(Richmond.) 6, Rothsay Villas, Richmond Hill.
S(ud)-W(est), den 26 Jan(uar) 1865), abends

So lange habe ich Ihnen nicht geschrieben, liebe Malvida, oder vielmehr so lange habe ich Ihnen nicht auf Ihren herzlichen Brief geantwortet, daß es mir selber schwer fällt. Vieles hat dazu beigetragen, meine Gesundheit, die seit meiner Rückkehr aus Paris erbärmlich wurde, – und meine Beschäftigung, die nie ermattet, und zuweilen etwas *businesslike* wird und in jedem Falle mich etwas ermattet, so daß ich den Brief, der mir am meisten am Herzen gelegen, verschiebe aufs morgen, morgen u.s.w.¹ – Nun aber ich komme auf Ihren Brief zurück. Was der Tod der unglücklichen Kinder auf Sie gewirkt hat, das konnte ich wissen ohne Sie es gesagt hätten. Den Kleinen habe ich sterben sehen, – ruhig, aber lebensgierig und ich glaube daß er verstand daß er sterben wird. Gequält hat man ihn mit den Arzneien – schrecklich; er fürchtete den Arzt. Die Kleine habe ich nicht gesehen! Ich weiß nur, daß mit ihr dasselbe gewesen ist, daß sie sich zum Fenster tragen ließ um auf die Welt zu sehen – und ruhig starb. Ich glaube wohl – beide ruhig: bei dieser Krankheit ist der Kranke äußerst entkräftet und der Entkräftete stirbt immer ruhig...

Aber wollen wir von den lebenden sprechen. Ich kann noch bis jetzt an die beiden Kleinen nicht denken ohne selbst entkräftet zu werden. Unter den Lebenden – von wem ich zuerst sprechen will, es ist von Tata. Sie können sich nicht vorstellen wie ich glücklich bin, daß Sie auch zu lieben anfangen diese zarte, einfache, herzenstiefe Natur². Daß sie jetzt zum echten Entwicklungspunkte aufgewachsen, das ist wahr und daher bin ich überzeugt, daß Sie an ihr viel Trost im Leben finden werden und das macht mich glücklich. An Olga müßen Sie noch warten wenigstens ein paar Jahre warten; laßen Sie sie noch ein Paar Jahre kindisch und zerstreut bleiben; ich glaube daß es so mehr naturgemäß ist. Dann werden Sie sehen eine *plötzliche* Umwendung zum Ernst... So gerne möchte ich noch bis der Zeit selbst am Leben bleiben um das zu sehen, und hoffe es. Mit Lisa wird es sehr nahe dasselbe werden. Sollte ich nicht am Leben bleiben, so vergeßen Sie dieses nicht.

Alexander – und dazu applaudire ich – ist zum Ernst durch die Wissenschaft gekommen!

Zum Schluß, da ich doch sehr wenig Zeit habe, muß ich Ihnen sagen, daß ich glaube meine Gesundheit wird von diesen Tagen an besser und besser werden. Ich sage dieses nicht ins Blaue hinein, als aber eine Mutmassung auf wissenschaftlicher Erfahrung gegründet. Die Sache ist außerordentlich interessant, das muß ich gestehen.

Shakehand, Ihr A g a

Перевод:

(Ричмонд.) 6, Rothsay Villas, Richmond Hill.
Ю(го)-З(апад), 26 ян(варя) 1865 г.), вечером

Я так долго не писал вам, дорогая Мальвида, или вернее, я так долго не отвечал на ваше сердечное письмо, что мне самому это очень тяжело. Многие тому причиной – мое здоровье, которое после возвращения моего из Парижа стало отвратительным, – и мои занятия, кото-

рые никогда не прекращаются и подчас принимают характер несколько businesslike^{134*} и, в всяком случае, меня немного утомляют, так что письмо, которое больше всего затрагивает мое сердце, я откладываю на завтра, завтра и т.д.¹ – Но теперь возвращаюсь к вашему письму. Как на вас подействовала смерть несчастных детей, я мог себе представить, даже если бы вы об этом не говорили. Я видел, как умирал малыш, – спокойно, но страстно желая жить, и, думаю, он понимал, что умрет. Мучили его лекарствами ужасно; он боялся врача. Малышку я не видел! Знаю только, что с ней было то же самое, она требовала, чтобы ее поднесли к окну посмотреть на божий мир – и умерла спокойно. Думаю, что действительно, оба спокойно: при этой болезни больной крайне обессилен, а обессиленный всегда умирает спокойно...

Но поговорим о живых. Я сам до сих пор не могу думать об обоих малышах, не испытывая при этом полной утраты сил. Среди живых – о ком я прежде всего хочу поговорить, это о Тате. Вы не можете себе представить, как я счастлив, что вы тоже стали любить эту нежную, простую, глубокую, осердеченную натуру². Это правда, что она теперь достигла истинного апогея своего развития, и поэтому я убежден, что в ней вы найдете много утешения в жизни, и это делает меня счастливым. Что касается Ольги, то вы должны подождать, по меньшей мере, несколько лет; дайте ей возможность еще несколько лет оставаться ребячливой и рассеянной; полагаю, что так более естественно. Потом вы увидите *внезапный* поворот к серьезности... Как бы я хотел остаться в живых до того времени, чтоб увидеть это, и на это я надеюсь. С Лизой очень скоро будет то же самое. Если мне не суждено дожить, не позабудьте сказанного мною.

Александр – и я рукоплещу этому – стал серьезным человеком благодаря науке!

В заключение, поскольку у меня все же очень мало времени – я должен сказать: думаю, что с этой поры здоровье мое будет все лучше и лучше. Я говорю это не наобум, а как предположение, основанное на научном опыте. Дело исключительно интересное, должен признаться в этом.

Shakehand^{135*}, ваш А г а

¹ Начало известного изречения Х.-Ф. Вейзе: «"Завтра, завтра, не сегодня", так ленивцы говорят».

² Это письмо Мейзенбуг с похвальным отзывом о старшей дочери Герцена неизвестно. Вообще-то она относилась ревниво-недоброжелательно к этой красивой и обаятельной девушке, не прощая ей успеха у мужчин.

5

(Женева.) 31 января (1866 г.)

Liebe Malvida,

Nach einem solchen Stillschweigen, und nur einige Worte... aber lieber schreibe ich einige Worte als gar nichts. Denn es ist schon so lange, lange daß ich schreiben will und kann nicht dazu kommen.

Ich höre daß Sie unwohl sind; aber mir scheint daß die Fantasie auch darin eine große Rolle spielt. Ich würde Ihnen raten mehr Gesellschaft, mehr Spaziergang, mehr Lebenslust. Sie haben das alles so leicht zu finden in dem kunstreichem, singenden, warmen Lande, um ja das hypochondrische Wesen zu vergeßen. Tun Sie das.

Ich fühle mich viel besser seitdem ich mich kochen und verfrieren laße...

Wir haben hier auch Sonne und Frühling Tendenzen.

Nein, Malwida, mein Brief kommt heute nicht zu Ende; ich schreibe Ihnen lieber ein anderes Mal, bei ganz unermüdetem Gehirn. Jetzt bin ich müde, aber schicke Ihnen diese Zeillen nur um Ihnen die Hand zu drücken und Sie an mich zu erinnern.

Ihr alter F r e u n d

Рукой Герцена:

1 février

Oui, certainement votre lettre à N(atalie) a été envoyée à Montreux¹. Mais je n'ai rien entendu après. – Je trouve l'état de N(atalie) en général très souffrant et mauvais. Est-ce le

^{134*} деловой (англ.).

^{135*} рукопожатие (англ.).

côté physique qui entraîne le moral, ou “vice versa” – mais toute convalescence est éloignée..

Votre lettre a été reçue en temps. Og (areff) veut vous faire danser (*heraustanzen aus der Krankheit*); qu'en dites vous de cela? Et lui-même reste avec son éloquence muette et son humeur noir? Sa santé (à mon avis) va mal...

Tata et Lise prospèrent, mais Tata a abandonné la peinture, avec acharnement.

Adieu.

Je cherche une petite maison près de Genève – pour être libre comme un vagabond².

Перевод:

Дорогая Мальвида,

После такого молчания – и всего несколько слов... но лучше я напишу несколько слов, чем совсем ничего. Потому что уже давно, давно я хочу написать и никак не могу этого достигнуть.

Слышу, что вы плохо себя чувствуете; однако мне кажется, что и в этом большую роль играет фантазия. Я бы вам посоветовал больше бывать в обществе, больше прогулок, больше жизнерадостности. Вам так легко найти это в стране, богатой искусством, пением, теплом, чтобы забыть все, что нагоняет ипохондрию. Сделайте это.

Я чувствую себя гораздо лучше с тех пор, как подвергаю себя разогреванию и охлаждению...

У нас тут тоже солнце и весенние стремления.

Нет, Мальвида, письмо мое никак не закончится сегодня; я лучше напишу вам в другой раз, с отдохнувшим мозгом. Сейчас я устал, но посылаю вам эти строки, только чтобы пожать вам руку и напомнить вам о себе.

Ваш старый друг

Рукой Герцена:

1 февраля

Да, конечно, ваше письмо к Н(атали) послано было в Монтрé¹. Но после этого я ничего не слышал. – Я нахожу состояние Н(атали), в общем, крайне мучительным и скверным. Влияет ли физическое состояние на моральное или же “vice versa”^{136*} – но окончательное выздоровление отодвигается вдаль.

Ваше письмо было получено вовремя. Og(арев) хочет заставить вас танцевать (*heraustanzen aus der Krankheit*)^{137*} – что вы на это скажете? А сам он остается со своим немым красноречием и мрачным своим настроением? Его здоровье (на мой взгляд) неважно...

Тата и Лиза процветают, но Тата с жесточением забросила живопись.

Прощайте.

Ищу маленький домик близ Женевы – чтобы быть свободным, как бродяга².

¹ Это письмо Мейзенбуг к Тучковой-Огаревой, которая жила тогда с дочерью в Монтрé, неизвестно. Незадолго до того, 28 января 1866 г., Герцен возвратился из этого города в Женеву, оставив Наталью Алексеевну в глубокой душевной депрессии, из которой она долго не выходила после смерти своих детей-близнецов в 1864 г.

² Намерение Герцена надолго обосноваться с семьей в Женеве не осуществилось.

4 Juny (1866)

Liebe Malvida, lieber will ich Ihnen einige Zeilen schreiben, als gar nichts – wenigstens werden Sie mich nicht vergessen und werden nicht böse daß ich Ihnen so lange nicht geschrieben habe. Das Wetter ist bei uns so schrecklich schlecht und drückend, daß ich kaum Zeit finde für meine Arbeit; ich brauche mich oft zu erholen. Uebrigens im ganzen muß ich sagen, daß ich mich besser fühle. Auch Ihr Wunsch ist erfüllt – ich gehe früh zu Bett und stehe früh auf.

^{136*} “наоборот” (лат.).

^{137*} вытанцевать вас от болезни (нем.).

Schreiben Sie mir doch was Sie machen? Sie haben doch mehr interessantes zu sehen, als wir. Sie müssen kriegerisch gestimmt sein¹. Wir sind auch kriegerisch gestimmt, aber nur gegen die entsetzlichen Maßregeln der russischen Regierung². Aber Sie haben ein ganzes Volk zu sehen, das wirklich kriegerisch gestimmt ist. Das ist etwas anders.

Wie ist Ihre Gesundheit?...

So eben scheint die Sonne nach einem entsetzlichen Regen von Mitternacht an bis 2¹/₂ Uhr nachmittag. Adieu, liebe Malvida, ich laufe nach Genf Herzen und Tata zu sehen...

Lisa geht ins Kindergarten in Lausanne. Ich hoffe es wird Ihr viel gutes tun. Intelligent ist sie gewiß und das außerordentlich.

Addio, drücke offenherzlich die Hand.

Ihr A g a

Рукой Герцена:

Chère Malvida,

Nehmen Sie sich in Acht hundert francs³ die Ihnen Alexander auszahlen wird. Nachher können Sie v(on) Avigdor bekommen.

Sie zahlen nichts für die 800 fr.

P.S. Non, le cours est inconnu et on vous fera payer – mais je prends sur moi.

П е р е в о д:

4 июня (1866 г.)

Дорогая Мальвида, лучше напишу вам несколько строчек, нежели совсем ничего, – вы меня, по крайней мере, не забудете и не станете на меня сердиться за то, что я так долго вам не писал. Погода у нас столь ужасающе скверная и гнетущая, что я едва нахожу время для своей работы; я часто нуждаюсь в отдыхе. Впрочем, в целом, я должен сказать, что чувствую себя лучше. И ваше желание исполнено – я рано ложусь в постель и рано встаю.

Напишите же мне, что вы делаете? Вы ведь можете увидеть больше интересного, чем мы. Вы должны быть настроены воинственно¹. Мы тоже настроены воинственно, но только против ужасных мероприятий русского правительства². Однако вы можете видеть целый народ, который действительно настроен воинственно. Это нечто другое.

Как ваше здоровье?..

Только что засияло солнце после ужасного дождя, продолжавшегося с полуночи до 2¹/₂ часов пополудни. Прощайте, дорогая Мальвида, я спешу в Женеву, чтобы повидаться с Герценом и Татой...

Лиза ходит в детский сад в Лозанне. Надеюсь, что это принесет ей много добра. Она чрезвычайно умна – и это бесспорно.

Прощайте, сердечно жму вам руку.

Ваш А г а

Рукой Герцена:

Дорогая Мальвида,

Примите во внимание *восемьсот* франков³, которые заплатит вам Александр. Потом вы сможете получить от Авигдора.

Вы ничего не платите за 800 фр.

P.S. Нет, курс неизвестен, и вас заставят платить – но я возьму на себя.

¹ Огарев намекает на крайне напряженные отношения между Пруссией и Австрией. В начале июня Пруссия оккупировала герцогство Голштейнское, а 16-го числа ею была объявлена война Австрии (ср. XXVIII, 205).

² Имеется в виду разгул реакции в России после покушения Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.

³ В немецком оригинале каламбур: Acht означает *внимание* (Acht) и *восемь* (acht).

(Genf.) Den 20 November (1867)¹

Liebe Malvida, endlich will ich Ihnen wenigstens meinen Händedruck schreiben, Ihnen zu Olga's Geburtstag Glück wünschen. Schwerlich kann ich heute mehr tun. Habe wieder korrigiert, korrigiert und jetzt muß zum Printing-office gehen.

Sagen Sie mir doch wann Herzen und Tata gekommen sind? Wie geht es Ihnen in Florenz... Es ist eine üble Zeit, schwerlich können Sie sich worüber freuen. Sagen Sie mir auch wie ist ihre Gesundheit? Sagen Sie mir wie Olga singt?

Was wir hier haben, das ist wirklich zum müde werden: beständig ein Umtausch zwischen bise und Regen, und oft ein ganz londoner Fog.

Es ist glücklich wenn man Arbeit hat und das Rundumher vergessen kann.

Grüßen Sie alle. Ich werde morgen an Herzen schreiben, heute est es unmöglich².

Addio, meine gute Freundin,

Ihr ergebenster A g a

Перевод:

(Женева.) 20 ноября (1867 г.)¹

Дорогая Мальвида, хочу, наконец, письменно передать вам по меньшей мере свое рукопожатие, пожелать вам счастья к Ольгиному дню рождения. Сегодня я с трудом могу сделать больше. Снова и снова держал я корректуру, а сейчас должен идти в Printing-office^{138*}.

Скажите же мне, когда приехали Герцен и Тата? Как вам живется во Флоренции... Погода скверная, вряд ли вы можете там чему-нибудь радоваться. Скажите мне также, как ваше здоровье? Скажите мне, как Ольга поет?

То, что здесь у нас делается, по-настоящему утомляет: постоянное чередование бизы и дождя, а часто совершенно лондонский туман.

Счастье, когда есть работа и можно забыть обо всем вокруг.

Передайте всем привет. Герцену я напишу завтра, сегодня сделать это невозможно².

Addio, мой добрый друг,

всецело вам преданный A g a

¹ Год устанавливается по упоминанию о поездке Герцена и его старшей дочери во Флоренцию. На пути туда Герцен писал Огареву из Турина 19 ноября 1867 г. (XXIX, 233-234).

² Письмо Огарева к Герцену от 21 ноября остается неизвестным. Возможно, что оно написано не было.

(Genf.) Den 13 März (1868)¹

Erstens, danke Ihnen, liebe Freundin für Ihre vortreffliche Photographie und für Ihre guten Briefe. Zweitens – beruhigen Sie sich über mein Unglück. Es ist kein Unglück, es ist nur eine Unheimlichkeit^{139*}, denn ich bin ganz gesund und muß noch wahrscheinlich drei Wochen lang auf dem Rücken liegen. Aber ich habe mich schon dazu gewohnt und kann lesen und mit der Bleistift schreiben, d(as) h(eißt) ich kann arbeiten und bin zufrieden. Mein Bein ist immer besser und besser. Mayor bewundert wie ich so schnell genessen kann.

Sie schreiben mir von Blumen und Duft, aber ich habe hier was schöneres gesehen. Einen Tag war es hier rund umher Schnee, glänzend in der Sonne. Ich glaubte zu Hause zu sein und war ganz glücklich...

Danke für die Beschreibung Olga's Stimme. Schreiben Sie mir öfters darüber.

Drücke Ihnen herzlich die Hand. Möchte Sie doch so gerne sehen.

Ihr A g a

^{138*} типографию (англ.).

^{139*} В автографе Unannehmlichkeit. – Ред.

Перевод:

(Женева.) 13 марта (1868 г.)¹

Во-первых, благодарю вас, дорогой друг, за вашу великолепную фотографию и за ваши добрые письма. Во-вторых, – не беспокойтесь по поводу моего несчастья. Это не несчастье, это только неприятность, т.к. я совершенно здоров и еще, наверное, три недели должен оставаться лежа на спине. Но к этому я уже привык и могу читать и писать карандашом, т.е. я могу работать, и я доволен. Моя нога становится все лучше и лучше. Майор удивляется, как удается мне так быстро поправляться.

Вы пишете мне о цветах и аромате, но я здесь видел нечто более прекрасное. Однажды здесь кругом был снег, блестящий на солнце. Мне казалось, что я дома, и я был совершенно счастлив...

Благодарю за описание Ольгиного голоса. Пишите мне чаще об этом.

Жму вам сердечно руку. Так хотелось бы вас видеть.

Ваш А г а

¹ Ответ на письмо Мейзенбург (с ее фотографией) от 6 марта (?) 1868 г. (см. его в кн. 2-й наст. тома).

9

(Женева. Июня между 7 и 10 1868 г.)¹

Liebe Malvida, verzeihen Sie daß ich Ihnen so lange nicht geschrieben habe. Es wäre wirklich verzeihlich – hätte ich mir die rechte Hand gebrochen, aber es ist nur der linke Schenkel – also ist es wirklich unverzeihlich...

So eben kommt Thorzewski und bringt mir Ihre Handschrift², die ich Ihrem (und meinem) Wunsche gemäß durchlesen werde und dann mit David darüber sprechen will, damit et nicht überkorrigiert. – Thorzewski erwartet von Ihnen die Entscheidung über das Format u.s.w. Die Proben hat et Ihnen geschickt.

So muß ich wieder um Verzeihung *bitten* – ich werde gehindert, aber ich will die Briefe durchaus heute abfertigen. Lieber werde ich Ihnen einen echten Brief schreiben, [diese Zeilen] nach dem Durchlesen Ihrer Handschrift... Also diese Tage. – Ich erwarte Herzen; ich hoffe er wird bald zu mir kommen³.

Wollen Sie wirklich nach Kreuznach reisen? Und das aus Italien? Übrigens der Sommer scheint prächtvoll. Bei uns ist es so warm, daß ich mehr leide als genieße.

Herzlich drücke ich Ihnen die Hand.

Ihr alter Freund A g a⁴

Перевод:

Дорогая Мальвида, простите, что я так долго вам не писал. Это в самом деле было бы простительно, если бы я сломал себе правую руку, но это лишь левое бедро – так что сие в самом деле непростительно...

Только что пришел Тхоржевский и принес мне вашу рукопись², которую я согласно вашему (и моему) желанию прочитаю и затем хочу об этом поговорить с Давидом, чтоб он чрезмерно не правил. – Тхоржевский ожидает от вас решения о формате и т.п. Образцы он вам послал.

Я снова должен *просить* у вас прощения – мне помешали, но я хочу закончить письма непременно сегодня. Лучше я напишу вам настоящее письмо [эти строки] после прочтения вашей рукописи... Итак, на этих днях. – Я ожидаю Герцена; надеюсь, что он скоро ко мне придет³.

Вы действительно хотите поехать в Крейцнах? И это из Италии? Впрочем, лето кажется великолепным. У нас так жарко, что я больше страдаю, чем наслаждаюсь.

Сердечно жму вашу руку.

Ваш старый друг А г а

¹ Письмо датируется приблизительно, по упоминанию о предстоящем вскоре приезде Герцена в Женеву.

² Имеются в виду "Воспоминания идеалистки" Мейзенбург.

³ Герцен приехал в Женеву 10 июня (см. XXIX, 365).

⁴ Мейзенбург ответила 16 июня (см. книгу 2-ю наст. тома).

ЖЕНЕВА. ВИД НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ РОНЫ

На переднем плане – мост Де Берг, остров Руссо и мост Монблан; далее (слева направо) – набережная Де Берг, с отелем Де Берг (в центре), набережная Монблан, Паки

Цветная литография, 1860-е годы

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

На набережной Монблан (Quai de Mont Blanc, 7) Герцен жил в 1866 г.

10

(Genf.) 6 Februar (1870)

Liebe Malvida, ich bin Ihnen viel dankbar für Ihren guten Brief¹. Ja, wenn ich auch selbst Ihnen bis jetzt nicht geschrieben habe, so ist es weil ich wirklich stumm und erstaunt bleibe und kann bis jetzt nicht verstehen – wie, was geschehen ist. Das einzige was ich fühle daß ich was verloren habe und allein bleibe...

Ich dachte niemals, daß ich überleben werde. Es scheint mir unnatürlich.

Aber so ist es geschehen und ich bleibe noch zu leben für unsere Arbeit.

Ich bin wirklich nicht im Stande Ihnen noch was zu sagen. Die Tränen fließen, die Hand will nicht schreiben.

Ihr A g a²

Перевод:

(Женева.) 6 февраля (1870 г.)

Дорогая Мальвида, я вам очень благодарен за ваше доброе письмо¹. Да, если я сам вам до сих пор не написал, то это потому, что действительно продолжаю пребывать в состоянии немоты и потрясения и до сих пор не могу понять – как, каким образом это случилось. Я чувствую только, что утрачено мною и что я остаюсь в одиночестве...

Никогда я не думал, что переживу его. Это кажется мне противоестественным.

Но так случилось, и я остаюсь еще жить для нашей работы.

Я действительно не в состоянии сказать вам что-нибудь еще. Слезы льются, рука не хочет писать.

Ваш А г а²

¹ Огарев отвечает на письмо Мейзенбург от 3 февраля 1870 г. (см. его в кн. 2-й наст. тома).

² Ср. "Лит. наследство", т. 63, с. 530 и 538–539.

11

(Genf.) Den 22 September (1871?)¹

Liebe Malvida, wie lange haben wir nicht einander geschrieben! Es scheint daß wir alt werden und daß die vorige Lust zu schreiben nicht mehr vorhanden ist. Ich fürchte daß ich sogar das Deutsche verlernt habe!.. Aber es bleibt mir gewiß, daß Sie Ihre vorige Sympathie zu mir nicht verloren haben. Meinerseits fühle ich daß meine Sympathie und Freundschaft zu Ihnen unmöglich zu ändern sei.

Schreiben Sie mir doch. Ein Brief von Ihnen wird mir gewiß eine lange Antwort einflößen.

Ihrem Rate gemäß schlafe ich jetzt immer bevor Mitternacht ein, und ich kann nicht klagen daß meine Gesundheit schlimmer sei, vielmehr scheint es mir daß ich viel besser bin als früher.

Leben Sie wohl für diesmal. Ich kann heute nichts vernünftiges schreiben. – Ich drücke Ihnen die Hand brüderlich.

Ihr A g a

Перевод:

(Женева.) 22 сентября (1871(?)г.)¹

Дорогая Мальвида, как долго мы друг другу не писали! По-видимому, мы стареем и прежнего веселого желанья писать уже нет. Боюсь, что я разучился даже писать по-немецки!... Однако во мне остается уверенность, что прежней симпатии ко мне вы не утратили. Со своей стороны я чувствую, что мою симпатию и дружеское расположение к вам изменить невозможно.

Напишите же мне. Письмо от вас наверняка вдохновит меня на обширный ответ.

Следуя вашему совету, я ложусь теперь спать до полуночи и не могу пожаловаться, что здоровье мое ухудшилось; мне даже кажется, что я чувствую себя сейчас гораздо лучше, нежели прежде.

Будьте здоровы. Сегодня не могу написать ничего толкового. Братски жму вам руку.

Ваш А г а

¹ Письмо с трудом поддается датированию. Как отмечает М. Мерво, это, должно быть, последнее письмо Огарева к Мейзенбург, написанное по-немецки (в нем жалоба, что забывается немецкий язык из-за отсутствия практики). Следующие далее письма – от 19 декабря 1871 и 8 апреля 1872 г. – написаны уже по-французски.

12

МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУГ и О.А. ГЕРЦЕН

(Genève.) 19 décembre (1871). Mardi

Mille fois merci pour vos bonnes lettres, chère Malvida et chère Olga¹. Il y a bien longtemps que je n'avais pas eu le bonheur d'en recevoir. Alexandre aussi ne m'écrit jamais. Dites-lui que ce n'est pas bien de sa part.

Quant à moi, voilà déjà plusieurs jours que je me proposais de vous écrire, mais j'attendais pouvoir vous dire quelque chose de nouveau; enfin la patience me manque et le besoin de vous écrire augmente. J'aurais bien voulu vous voir, mais la chose est qu'il me sera impossible de quitter Genève jusqu'à la fin de mes jours. Mon pied malade me permet encore de rôder, mais pour monter en voiture il n'y a plus à penser. Pourtant je suis encore assez fort et je puis travailler; je voudrais bien recommencer quelques éditions dans ma propre langue, mais il faut rassembler les éléments et les moyens et l'on n'y arrive pas trop vite. Dites-moi, si je puis vous envoyer quelque chose en ma langue et avec pleine sûreté—ou si c'est inutile².

Ce qui est étonnant c'est qu'ici j'ai désappris l'allemand, car je ne parle que ma propre langue ou le français, et à la maison je parle l'anglais. A la maison je suis parfaitement tranquille, mais quant aux affaires générales, elles vont bien mal!^{140*}

^{140*} Je félicite Alexandre pour l'entreprise de l'école, mais c'est l'entreprise d'une patience éternelle.

J'aurais été bien heureux d'entendre Olga.
Je vous embrasse avec pleine amitié, mes bonnes amies.

Ваше преданное А г а

Quant à André Léo – je ne la connais pas³.

Перевод:

(Женева.) 19 декабря (1871 г.). Вторник

Тысячу раз благодарю за ваши добрые письма, милая Мальвида и милая Ольга!¹ Давно уже не имел я счастья их получать. Александр тоже мне никогда не пишет. Скажите ему, что с его стороны это нехорошо.

Что до меня, то вот уже несколько дней, как я собирался написать вам, однако я ждал возможности сообщить вам что-нибудь новенькое; все же напоследок у меня уже не хватает терпения, а потребность писать к вам растет. Мне очень хотелось бы повидаться с вами, но дело обстоит так, что мне невозможно будет покинуть Женеву до конца моих дней. Больная моя нога еще позволяет мне кое-как передвигаться, но чтобы сесть в карету – нечего уж и думать. Тем не менее я еще достаточно силен и могу работать; мне чрезвычайно хотелось бы возобновить некоторые издания на моем родном языке, но для этого надобно собрать кое-какие материалы и средства, чего особенно быстро не добьешься. Скажите-ка, можно ли мне послать вам что-нибудь на своем языке и с полной надежностью, или же сие бесполезно².

Удивительно то, что здесь я позабыл немецкий язык, ибо говорю только на своем или по-французски, дома же я говорю по-английски. Дома я бываю в совершенно спокойном состоянии, что же касается общих дел, то идут они прескверно!^{140*}

Ольгу я был бы чрезвычайно рад послушать.

Целую вас с безгранично дружеским чувством, мои добрые друзья.

Преданный вам А г а

Что касается Андре Лео, то я ее не знаю³.

¹Ответ на письма М. Мейзенбуг и Ольги от 6 декабря 1871 г. (см. кн. 2-ю наст. тома).

²Что именно Огарев собирался послать Мейзенбуг, не установлено.

³Французская романистка Андре Лео в 1869 г. опубликовала похвальную рецензию на «Воспоминания идеалистки» (см. XXX, 285), приведшую Мейзенбуг в восторг. В своем письме она осведомилась у Огарева, знает ли он Лео.

(Genève.) 8 avril (1872). Lundi¹

Je voulais vous répondre encore hier (son jour de naissance²) à votre bien bonne lettre, chère vieille amie; mais j'ai été un peu indisposé hier (ordinairement, mais les attaques deviennent plus rares) – ce qui ne m'embarasse pas beaucoup, Mary me soignant comme on ne le peut mieux. Mais voilà une chose embarrassante, chère amie, c'est la maladie de Czerniecky, qui est alité. Les médecins le traitent d'un rhumatisme de l'estomac par la *Milchkur*. Moi je crois (mais je n'ose pas le dire) que c'est un empoisonnement plombique de l'imprimerie (qu'il ne peut pas vendre faute d'acheteur). – Groupez toutes ces circonstances, et vous trouverez que l'homme est dans un état fort pénible et dangereux. – Quant à moi – j'espère retrouver de l'ouvrage ici excepté celui à faire des vers.

J'ai vu hier³ Z. en mémoire de J(oseph)⁴.

Ma bonne Mary et mon bon Henry (qui devient professeur de langue anglaise) vous présentent leurs amitiés.

J'embrasse ma bonne Olga et j'espère que sa maladie est peu de chose. Je vous embrasse vous, ma vieille amie, et vous prie de m'écrire souvent. Faites et dites le aussi de ma part à Alex(andre).

Ваше А г а

^{140*} Поздравляю Александра с задуманной им школой, но ведь затея эта требует бесконечного терпения.

Перевод:

(Женева.) 8 апреля (1872 г.). Понедельник¹

Я хотел ответить вам еще вчера (в его день рождения²) на ваше очень доброе письмо, дорогой старый друг; но вчера я был немножко нездоров (по обыкновению, но припадки становятся реже) – что меня не слишком-то беспокоит, поскольку Мери ухаживает за мной как нельзя лучше. Но что чинит мне затруднение, дорогой друг, – так это болезнь Чернецкого, который слег в постель. Врачи лечат его от желудочного ревматизма *Milchkur*’ом^{141*}. Я же думаю (но не осмеливаюсь это высказать), что это отравление свинцом типографии (которую он никак не может продать за неизменным покупателем). Суммируйте все сии обстоятельства, и вы найдете, что человек этот находится в крайне трудном и опасном положении. – Что до меня, то я надеюсь вновь найти здесь работу, кроме работы по сочинению стихов.

Я видел вчера Z.³ на вечере в память Дж(узеппе)⁴.

Славная моя Мери и славный мой Генри (который вскоре станет преподавателем английского языка) шлют вам дружеские приветы.

Обнимаю мою милую Ольгу и надеюсь, что болезнь ее несерьезна. Обнимаю вас, мой старый друг, и прошу вас писать мне часто. Делайте это и скажите то же от меня Алекс(андру).

Ваш А г а

¹Понедельник на 8 апреля приходился в 1872 г.

²Т.е. в день рождения покойного Герцена.

³О ком идет речь, неясно.

⁴Без сомнения, имеется в виду вечер в память Дж. Маццини, скончавшегося 10 марта 1872 г.

ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН (МОНО)

Публикация И.А. Желваковой^{142*}

С дочерью Герцена Ольгой (в замужестве *Моно*, 1850–1953) Огарев связан был не так тесно, как со старшей, Татой, но сердечно любил ее и называл своим близким другом. Он заботился о ее воспитании и старался выработать в ней гуманистические идеалы, трудолюбие и увлеченность искусством.

Чувство, которое Огарев испытывал к Ольге и ко всем остальным членам родной для него герценовской семьи, прекрасно выражено в его письме (вернее, в приписке к письму Герцена) от 13 июня 1869 г., публикуемом ниже.

Осенью 1874 г., после десятилетнего пребывания в Швейцарии, Огарев вынужден был переехать в Англию. В его письмах к Ольге слышится голос человека, уставшего от духовного одиночества, болезней и всякого рода невзгод, но не утратившего желания трудиться “для русского дела”.

В книге 2-й настоящего тома публикуется несколько сохранившихся писем Ольги Александровны к Огареву, которого она искренне любила.

Письма печатаются по автографам *ИРЛИ* и *BN* (п. 2). Они впервые опубликованы М. Мервона на языке оригинала в *NOBL*, р. 106–107, 129–131, 136–138, 138–141 и *LOANf*, 311. До поступления в *ИРЛИ* автографы (кроме п. 2) находились в архиве правнука Герцена Л. Риста (Версаль). В 1973 г. Рист прислал в Музей Герцена ксерокопии с них, а подлинники позднее подарил гостившей у него правнучке Герцена Наталье Петровне. После смерти последней (1983) автографы были переданы в *ИРЛИ*. Фрагменты русского перевода опубликованы И.А. Желваковой и Е.Л. Рудницкой в сб. “Освободительное движение в России”, вып. 7. Саратов, 1978, с. 84–91.

^{141*} курсом молочного лечения (нем.).

^{142*} Французские письма перевела И.А. Желвакова; п. 2 – Л. Р. Ланский.